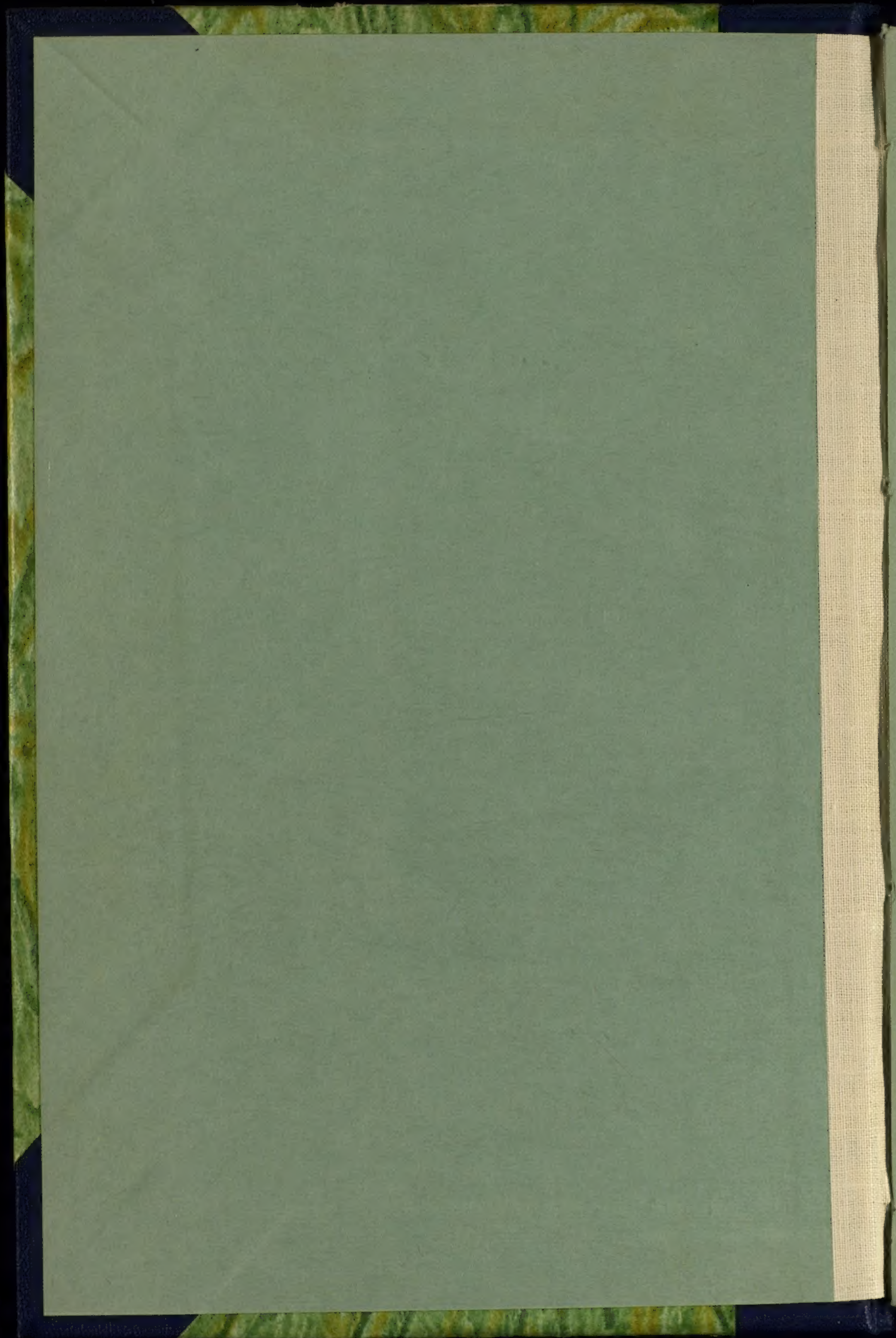
Кудряшов
Как все
мы должны
послужить
родине.
М. 1917

Н. Ф. Кудряшовъ.

Какъ всѣ мы должны послужить родинѣ.

Цѣна 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Союзъ Солдатскаго и Крестьянскаго Просвѣщенія".
Москва, Мясницкая, Кривоколѣнный пер., д. 14, кв. 14.
Телефонъ 5-28-51.

Какъ всѣ мы должны послужить родинѣ.

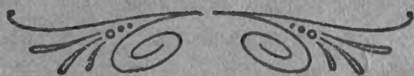
Цѣна 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Школы Солдатскаго и Крестьянскаго Просвѣщенія".
Москва, Мясницкая, Кривоколѣнный пер., д. 14, кв. 14.
Телефонъ 5-28-57.

П. Ф. Кудряшовъ.

X

Какъ всѣ мы должны послужить родинѣ.

МОСКВА—1917.
Тип. Н-въ М. Г. Грамакова. Газетный 9.

I.

Муравьи и люди.

Если бы можно было въ продолженіе этихъ шести мѣсяцевъ, мартъ—августъ, наблюдать нашу матушку Русь откуда-нибудь сверху, съ какой-нибудь высокой-высокой горы, что ли, то, вѣроятно, почудилось бы такому наблюдателю, что передъ нимъ—потревоженный муравейникъ...

Кто не знаетъ, что дѣлается въ муравейникѣ, если его потревожить. Вотъ передъ вами муравьиное гнѣздо въ обычномъ его состояніи. „Граждане“ этого,—маленькаго по размѣрамъ, но большого по количеству населенія,—«государства» заняты каждый своимъ дѣломъ. Вы замѣчаете спокойныя, хотя и хлопотливыя, движенія нѣкоторой части муравьевъ. Никакой особенной бѣготни, суетни. Точно нѣкто незримый, нѣкій верховный повелитель навелъ здѣсь строгій порядокъ и самодержавно правитъ муравьинымъ царствомъ. По числу видимыхъ вамъ жителей этого царства иногда представляется, что не такъ ужъ густо населено оно. На извѣстномъ разстояніи муравейникъ порою даже производитъ впечатлѣніе сонна го царства, гдѣ только часовые шагаютъ взадъ-впередъ да кое-кто изъ бодрствующихъ обывателей плетется куда-то зачѣмъ-то.

Но ударьте палкой по муравейнику—и картина сразу мѣняется. Соннаго царства какъ не бывало. Закишатъ тысячи муравьевъ, озабоченно заснуютъ они въ разныя стороны, сталкиваясь и перегоняя другъ друга—въ страхѣ, тревогѣ, гнѣвѣ, злобѣ. И кажется при видѣ этого зрѣлища, будто царившіе здѣсь благоустройство, благоденствіе, тишь да гладь погибли навсегда, обитатели маленькаго царства окончательно потеряли головы, и будто уже нѣтъ и быть не можетъ такой силы, такой власти, такого чародѣя, кто въ состояніи былъ бы водворить въ немъ хоть какой-нибудь порядокъ, внести хоть тѣнь спокойствія въ этотъ взбудораженный мірокъ. Неразбериха полнѣйшая.

Даже въ глазахъ рябитъ отъ нея. Анархія муравьиная, да и только.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не такое впечатлѣніе вызоветъ въ воображаемомъ нашемъ наблюдателѣ та картина, которую представляетъ Россія, потрясенная вся, сверху донизу, до самаго основанія, могучимъ ударомъ „палки"—революцій?

Можетъ быть, и такое. Можетъ быть, дѣйствительно наблюдателю нашему живо вспомнится муравейникъ, но... дорогой читатель, это сравненіе никуда не годится, или, вѣрнѣе—годится только на первый, на поверхностный взглядъ. И если кому могло бы показаться обиднымъ сравненіе это, то ужъ во всякомъ случаѣ не людямъ.

Уже самое начало, первая часть сдѣланнаго уподобленія будетъ не въ пользу людей. Ударъ по муравейнику нарушилъ удивительно стройное, строго упорядоченное теченіе муравьиной государственной жизни. Но какому «порядку» положилъ конецъ революціонный ударъ у насъ, у русскихъ людей, объ этомъ намъ съ вами даже вспоминать противно... Ну, да суть сейчасъ совсѣмъ не въ томъ. Гораздо важнѣе другое,—а именно то, что слѣдуетъ за ударомъ. И вотъ здѣсь-то особенно неловко подымать разговоръ о сходствѣ между муравьями и людьми.

Да, въ томъ-то и дѣло, что маленькіе, скромные граждане скромнаго царства насѣкомыхъ въ особо затруднительныхъ случаяхъ,—въ родѣ нашего,—ведутъ себя гораздо болѣе здраво, разумно, благородно, чѣмъ мы, созданные по образу и подобію Божію «цари природы». И намъ, право же, не мѣшало бы серьезно поучиться у нихъ тому, какъ дѣйствовать въ минуты всеобщей бѣды,—поучиться государственной мудрости.

Думаете, муравьи въ такія минуты способны позабыть, что «отечество въ опасности»? Способны,—пользуясь временной сумятицей и временной полнѣйшей свободой и безнаказанностью,—заботиться исключительно о своихъ личныхъ, частныхъ или „классовыхъ", „партійныхъ", или какихъ-нибудь тамъ «мѣстныхъ» нуждахъ? И способны, такимъ образомъ, для этихъ своихъ отдѣльныхъ, частныхъ интересовъ жертвовать благомъ общимъ? Или вы думаете, они способны въ такіе вотъ грозные моменты сводить съ кѣмъ-нибудь личные или опять-таки «классовые» и тому подобные счеты, вмѣсто дружной совмѣстной защиты своего

муравейника? Вообще, способны великую всенародную борьбу за свободу превратить въ мелкую борьбу самолюбій и себялюбій?

Ничего подобнаго. И никакой неурядицы собственно и не бываетъ среди нихъ въ минуты чрезвычайнаго переполоха. Эти крохотныя созданьица не могутъ похвастаться тѣмъ, что́ у людей называется умомъ, разумомъ. Но зато выборъ вѣрныхъ, наиболѣе нужныхъ рѣшеній и дѣйствій подсказываетъ имъ ихъ особое тонкое стихійное чутье, голосъ самой жизни,—одинъ изъ тѣхъ голосовъ, которые люди, къ сожалѣнію и своему большому горю, почти разучились различать и правильно понимать. Невольно, но уже зато безпрекословно подчиняются муравьи, на благо себѣ, безотчетнымъ, безсознательнымъ побужденіямъ своей природы. Этотъ таинственный благодѣтель, этотъ бдительный указчикъ носитъ имя *инстинкта*. И указчиковъ такихъ, мы знаемъ, не одинъ, а нѣсколько, инстинкты бываютъ разные. Есть инстинкты низшіе, такъ сказать, личные—личнаго самосохраненія, личной пользы. Есть болѣе высокіе—семейный, родовой, общественный, у людей еще образовался, не особенно давно, «классовый». И есть высшіе инстинкты: это инстинктъ государственный,—у такихъ, напр., животныхъ, какъ пчелы, муравьи,—а также инстинктъ національный и инстинктъ отечественный, патріотическій (только у людей).

Вотъ такой-то высшій указчикъ и согласуетъ, объединяетъ цѣлесообразно движенія десятковъ тысячъ насѣкомыхъ—въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, когда *разумные, сознательные* люди и въ массѣ и въ одиночку «теряютъ головы», когда даже какихъ-нибудь три-четыре человѣка обыкновенно не могутъ толкомъ спѣться между собою и, какъ лебедь, ракъ да щука, тянутъ въ разныя стороны.

Все это безчисленное множество муравьевъ (мы имѣемъ здѣсь въ виду тѣхъ «рабочихъ» муравьевъ, которые составляютъ подавляющее большинство въ муравейникѣ) безъ колебаній, безъ промедленій, безъ разсужденій, безъ споровъ и раздоровъ, самоотверженно, не жалѣя силъ, не жалѣя самой жизни своей, исполняютъ свой гражданскій долгъ—*спасаютъ отечество*, при чемъ каждый знаетъ, что ему дѣлать, какова его обязанность. Обязанность однихъ—спасать подрастающее поколѣніе и будущія поколѣнія—личинки, куколки—и свое общинное достояніе. Обязанность

другихъ—поскорѣй отразить, обезвредить врага, помѣшать дальнѣйшимъ его разрушительнымъ дѣйствіямъ. Обязанность третьихъ—немедленно приступить къ возстановленію разрушенныхъ владѣній, обязанность четвертыхъ—возстановить нарушенный порядокъ.

Такъ—государственно мудро, политически *разумно*—поступаютъ эти незамѣтные герои-насѣкомыя лишенные нашего, человѣческаго, разума, но зато богато одаренные простымъ животнымъ здравымъ смысломъ. И *такъ не поступаютъ* въ исключительный историческій моментъ, да еще какой моментъ, — двойной опасности, и внѣшней и внутренней,—тысячи и тысячи, даже милліоны людей, русскихъ граждан, между прочимъ многіе изъ тѣхъ, кто гордится своимъ умомъ, своимъ высоко развитымъ сознаніемъ, своей свободной волей...

II.

Бѣсноватые и разслабленные.

Прежде всего, такъ—т. е. государственно мудро, съ политическимъ здравымъ смысломъ—*не поступаютъ* безотвѣтственные представители и руководители всякаго рода „большевиковъ", всѣхъ этихъ ленинцевъ, полуленинцевъ, максималистовъ, интернаціоналистовъ, анархистовъ-коммунистовъ и проч. Повсюду преднамѣренно, сознательно вносятъ они смуту, расколъ и развалъ. Повсюду неосторожно они, съ преступнымъ легкомысліемъ—а многіе изъ нихъ и со злымъ умысломъ, съ дьявольскимъ умысломъ—подбиваютъ наиболѣе темные слои населенія на самыя безразсудныя, самыя вредныя какъ для государства, такъ и, въ концѣ концовъ, для нихъ самихъ, крайности.

Такъ—государственно мудро, съ политическимъ здравымъ смысломъ—*не поступаютъ,*—по крайней мѣрѣ не поступали,—и нѣкоторыя болѣе умѣренныя партійныя и вообще политическія организаціи, въ томъ числѣ—что особенно печально—и такія организаціи, которыя пользуются исключительнымъ вліяніемъ на массы и, значитъ, берутъ на себя великую отвѣтственность. Въ томъ числѣ и военныя организаціи, даже цѣлыя войсковыя части, даже очень круп-

ныя. Иными своими малопродуманными постановленіями, „приказами“ и неосновательнымъ заподозрѣваніемъ временнаго правительства въ „контръ-революціонности“ и въ хищническихъ, такъ называемыхъ имперіалистическихъ цѣляхъ войны, а то и явнымъ своимъ расхожденіемъ съ нимъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ,—особенно по вопросу о войнѣ и мирѣ, о наступленіи,—эти отвѣтственныя организаціи яко бы „закрѣпляли завоеванія революціи“. На дѣлѣ же онѣ, наоборотъ, такимъ вотъ образомъ дѣйствій, приводившимъ къ двоевластію или, лучше сказать, къ безвластію, способствовали лишь усиленію смуты и розни въ странѣ. Плоды „закрѣпленія“ теперь налицо: Россія переживаетъ самый позорный моментъ своей исторіи...

Такъ—государственно мудро, съ политическимъ здравымъ смысломъ—*не поступаютъ*, далѣе, тѣ отщепенцы интеллигенціи, которые въ руководимой ими пролетарской, соціалистической печати создаютъ „общественное мнѣніе“ революціонныхъ массъ. Столь же легкомысленно сѣя партійную и классовую вражду, душевную распущенность и безначаліе, они привели страну къ разложенію внутри и къ угрозѣ разгрома извнѣ.

Такъ—государственно мудро, съ политическимъ здравымъ смысломъ—*не поступаютъ* и всѣ тѣ слабые головою, легко поддающіеся соблазну большевизма и грубаго, упрощеннаго анархизма простые обыватели, рядовые дѣлатели революціи, всѣ ослѣпленные ея молніями, оглушенные ея громами, кто въ своемъ недомысліи претворяетъ безумную проповѣдь въ дѣло. Во-первыхъ, это тѣ, кто прямо и рѣшительно—то тутъ, то тамъ—отказывается, или отказывался, признавать власть революціоннаго временнаго правительства и своимъ бунтомъ или безчинствами явно играетъ въ руку какъ внѣшнему, открытому врагу—германскому правительству, такъ и внутреннему, притаившемуся,—нашимъ подлинно контръ-революціоннымъ силамъ. А именно, это—моряки, солдаты и рабочіе въ „кронштатской республикѣ“; это—солдаты (съ частью офицерства), рабочіе, крестьяне и всякій иной людъ въ Шлиссельбургѣ, Царицынѣ, Кирсановѣ, Канскѣ, Святыхъ Горахъ и въ цѣломъ рядѣ тому подобныхъ,—какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, какъ фронтовыхъ, такъ и тыловыхъ,—самочинныхъ „республикъ въ республикѣ“; это—солдаты и рабочіе въ Петроградѣ, Москвѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ

дальняго и ближняго тыла; это, наконецъ,—солдаты (и нѣкоторые офицеры) многихъ, тоже тыловыхъ, частей и опять-таки даже цѣлыя части на самомъ фронтѣ, на передовыхъ позиціяхъ,—на глазахъ злорадствующаго непріятеля, торжествующаго временную побѣду. Дошло до того, что цѣлыя дивизіи и корпуса предаютъ родину—врагу на растерзаніе, всему міру на поруганіе! Во-вторыхъ, такъ *не поступаютъ* всѣ тѣ организованныя и неорганизованныя массы рабочихъ, крестьянъ и солдатъ, которыя своими несвоевременными и чрезмѣрными требованіями и захватническими рѣшеніями если и не прямо, то косвенно мѣшаютъ или мѣшали тому же временному правительству наладить общегосударственное и общенародное дѣло, спасти родину и революцію.

Такъ—государственно мудро, съ политическимъ здравымъ смысломъ—*не поступаютъ* даже цѣлыя народности (во всякомъ случаѣ руководящіе круги ихъ), именно украинцы, финны,—когда предъявляютъ, тоже несвоевременно, свои особыя, національно-областныя домогательства и, мало сообразуясь съ общегосударственными интересами, спѣшатъ самоуправно провести ихъ цѣликомъ въ жизнь. Опасный посѣвъ уже далъ „отличные“ всходы: не скоро забудутъ россіяне такія, напр., событія, какъ мятежъ „полуботковцевъ“ или столкновеніе „богдановцевъ“ съ кирасирами.

И, наконецъ, такъ—государственно мудро, съ политическимъ здравымъ смысломъ—*не поступаютъ* всѣ уклоняющіеся отъ исполненія важнѣйшихъ сейчасъ государственныхъ повинностей: и дезертиры фронта, дезертиры солдаты, и всѣ тѣ многоимущіе и просто имущіе русскіе граждане, которыхъ мѣтко окрестили „дезертирами займа“. Поставляетъ этихъ,—едва ли не гораздо болѣе многочисленныхъ, чѣмъ первые,—дезертировъ тыла не только классъ денежныхъ тузовъ, толстосумовъ, крупная буржуазія, но и буржуазія мелкая и—что ужъ тутъ грѣха таить—сама трудовая демократія, та ея часть, которая проторила себѣ дорожку къ сберегательнымъ кассамъ...

«Дезертирство» нужно взять еще шире. Въ сущности, всѣ тѣ изъ насъ, кто отъ растерянности, или со страху, или по другой какой неуважительной причинѣ въ эти трудные дни остаются или оставались бездѣятельными и, стало быть, безполезными „посторонними наблюдателями“,

вмѣсто того, чтобы хоть сколько-нибудь, посильно, помочь общему дѣлу водворенія порядка,—всѣ они также «бѣжали съ поля сраженія», также проявили отсутствіе государственной мудрости и политическаго здраваго смысла. Кто не творитъ добра или попустительствуетъ злу, чьимъ-нибудь преступленіямъ, тотъ уже тѣмъ самымъ творитъ зло. Жизнь не стоитъ на мѣстѣ, во время революціи—тѣмъ болѣе. Кто не участвуетъ въ общихъ усиліяхъ подвинуть ее *впередъ*, тотъ тѣмъ самымъ толкаетъ ее *назадъ*. Кто въ моментъ опасности не служитъ родинѣ, тотъ тѣмъ самымъ уже измѣняетъ ей.

И вотъ, такимъ образомъ, десятки, сотни тысячъ... что тысячи,—милліоны, скажемъ прямо: добрая половина тѣхъ сыновъ нашей несчастной отчизны, которые считаютъ себя искренними друзьями и защитниками переживаемой революціи (о врагахъ, тайныхъ и явныхъ, нечего и говорить), эти сыны России пять мѣсяцевъ подрядъ *съ двухъ концовъ* душатъ какъ разъ самоё революцію, а вмѣстѣ съ революціей и ее, свою безотвѣтную родину-мать...

Одни губятъ великое общегосударственное и всенародное дѣло своей излишней горячностью, невоздержностью, своей буйной энергіей, своей слѣпой, дикой активностью. Это — „бѣсноватые“ революціи. Это—революціонная „улица“. Другіе оказались черезчуръ „сдержанными“. Они опасны своимъ безразличіемъ, вялостью, лѣнью, косностью, своимъ бездѣйствіемъ, такой же слѣпой пассивностью. Это—„разслабленные“ революціи. Это—революціонное „болото“...

III.

Нельзя довольствоваться „школой жизни“.

Конечно, Россія не погибнетъ. Достаточно крѣпко, могуче для этого «здоровье» великой нашей страны. Однако, если сама она, народъ русскій застрахованъ отъ гибели, то во всякомъ случаѣ честь и достоинство, сила и величіе его, а также судьба нынѣшней нашей революціи поставлены на карту, висятъ на волоскѣ.

Но, допустимъ, минуетъ насъ чаша сія, и все въ концѣ концовъ «образуется». Одно изъ двухъ: или пойдутъ впрокъ

суровые, убійственно-тяжелые предметные уроки жизни, и въ послѣднюю минуту слѣпцы прозрѣютъ, увидятъ разверстую подъ ногами ихъ пропасть и во-время удержатся на краю ея. Или же прозрѣвшіе уже руководители революціонныхъ массъ, нынѣшніе вершители нашихъ судебъ, сумѣютъ проявить мудрость и твердость государственныхъ людей—сумѣтъ потушить пожаръ и отстоять нашъ общій «отчій домъ». Такъ или иначе,—будемъ надѣяться—«бѣсноватые» перебѣсятся и утихомирятся, а „разслабленные" «возьмутъ постели своя и пойдутъ»...

И все-таки, даже въ томъ случаѣ, если удастся какъ-нибудь справиться съ нашей нынѣшней разрухой, выйти изъ катастрофическаго положенія, остается немало основаній для тревоги о дальнѣшемъ. Горькій опытъ старыхъ, западно-европейскихъ революцій и нашъ собственный революціонной опытъ,—уроки первой нашей революціи—затѣмъ особый укладъ русской жизни, душевныя особенности русскаго человѣка, наконецъ, то печальнѣйшее духовное наслѣдіе, которое получилъ русскій народъ отъ угнетавшаго и развращавшаго его романовскаго самодержавія,—все это, вмѣстѣ взятое, не позволяетъ смотрѣть на будущее сквозь свѣтлыя очки. Кто знаетъ, какія новыя потрясенія ожидаютъ нашу общегосударственную работу, какія новыя испытанія судьба готовитъ Россіи!..

Кто поручится, что *бѣсы* дѣйствительно вошли въ свиней и тѣ „кинутся въ озеро"? А что если онѣ, „свиньи", будутъ продолжать здравствовать?.. И кто возьмется насъ увѣрить, что «разслабленнымъ» нашимъ больше уже не понадобится „38 лѣтъ ждать возмущенія воды въ купели овечьей"?..

Какъ бы то ни было, одно несомнѣнно ясно, во всякомъ случаѣ: эти первые шесть мѣсяцевъ нашей революціи показали, что не только на самыхъ низахъ, но и въ гораздо выше лежащихъ слояхъ населенія довольно крупныя массы вступили въ новую, свободную Россію политически невѣжественными, а главное, *политически невоспитанными*, и такими продолжаютъ оставаться—почти совершенно равнодушными къ общегосударственнымъ и общенаціональнымъ интересамъ, лишенными государственнаго инстинкта и чувства родины. Эти массы доказали, что столь продолжительное безправное существованіе на положеніи романовскихъ «вѣрноподданныхъ», отстраненіе отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ не прошло для нихъ даромъ.

Пускай народъ, нація въ цѣломъ и обладаетъ неистребимо крѣпкимъ инстинктомъ самосохраненія, здоровымъ политическимъ чутьемъ, природнымъ разумомъ. Но онѣ, отдѣльныя большія массы эти, еще не привыкли, не успѣли возвыситься до гражданственности, до точки зрѣнія государственной и національной общности, солидарности, хотя уже усвоили пониманіе классоваго единства и духъ общественности.

А между тѣмъ революція,—поскольку она не есть лишь *разрушеніе стараго*, но и толчокъ къ *созиданію новаго*, къ живому народному творчеству,—требуетъ уже сейчасъ, безотлагательно, общей рѣшительной самодѣятельности; широкой необычайно, самодѣятельности прямо необъятной: вѣдь Россія дѣлаетъ невиданно крутой поворотъ, невиданно смѣлый размахъ: собирается установить сразу же одну изъ самыхъ передовыхъ формъ народоправства. Предстали вдругъ величайшія задачи кореннаго переустройства жизни на совершенно новыхъ началахъ, да еще въ странѣ такого огромнаго и сложнаго состава, съ такими разнородными и съ такими запутанными общественными, хозяйственными и національными отношеніями, съ такимъ безпомощнымъ и неопытнымъ въ самодѣятельности, въ самоуправленіи населеніемъ.

Что отсюда слѣдуетъ? А то, что крайне важно позаботиться, съ внѣочередной спѣшностью, о подготовкѣ отсталыхъ и неустойчивыхъ гражданъ. Иначе строительство въ новой Россіи въ грозу и бурю революціи, осложненное притомъ еще столькими противорѣчіями—«неоконченными спорами», «нерѣшенными тяжбами» разныхъ частей населенія, не будетъ подвигаться впередъ достаточно мирно и плодотворно. Прежде всего, не будетъ достаточно обезпечено спокойное и успѣшное теченіе выборовъ въ Учредительное Собраніе и, далѣе, теченіе его работъ. И не будетъ обезпечено успѣшное окончаніе войны.

Конечно, жизнь „воспитаетъ". Рано или поздно, даже наши славянскія анархическія души пройдутъ школу государственности. Но неужели терпѣливо ждать, когда само собою довершится это воспитаніе—можетъ быть, на протяженіи нѣсколькихъ поколѣній! Неужели же покорно мириться съ естественностью *такой* малосовершенной «школы»? Неужели успокоиться на признаніи неизбѣжности ея медленнаго, неровнаго и тернистаго пути?..

Мы должны и здѣсь вмѣшаться въ ходъ міровой жизни, попытаться быть послѣдовательными творцами своей исторіи. И—не останавливаться передъ сомнѣніями въ осуществимости предлагаемаго. Только бы нашлось достаточное число достаточно непреклонныхъ, достаточно преданныхъ дѣлу „воспитателей". И только бы это спѣшное, не совсѣмъ обычное воспитаніе массъ было поставлено правильно,— сообразно съ обстоятельствами нашего исключительнаго времени—т.-е. сообразно съ условіями *революціоннаго* времени.

Этого рода воспитательныя цѣли преслѣдуютъ отчасти такія—сами по себѣ не однородныя — организаціи, какъ возникшіе недавно въ Петроградѣ „Лига русской культуры" и «Союзъ спасенія родины» или въ Москвѣ «Общество оздоровленія агитаціи». Но успѣхъ этихъ и имъ подобныхъ начинаній съ разсматриваемой точки зрѣнія не можетъ быть значителенъ, потому что они какъ разъ очень мало принимаютъ въ расчетъ особыя условія революціоннаго времени.

IV.

Одинъ изъ законовъ революціи.

Что такое по существу своему революція?

Революціонное движеніе есть прежде всего массовое движеніе. Это—властное и бурное выступленіе въ общественной и политической жизни людскихъ массъ, толпъ, неограниченное, хотя бы и кратковременное, владычество этихъ самыхъ массъ, этихъ самыхъ толпъ. Отдѣльныя личности, какой угодно нравственной или умственной силы, какимъ бы вліяніемъ онѣ ни пользовались въ обыкновенное, нормальное время,—даже имъ необычайно трудно сохранить свое обаяніе, свой общепризнанный авторитетъ, если они захотятъ проявить свою личную волю вразрѣзъ съ настроеніемъ революціонныхъ массъ. И ихъ, *противъ* теченія направленное, мнѣніе тогда такъ же мало дѣйствуетъ на то тысячеголовое чудовище, въ которое можетъ превратиться человѣческая масса, какъ тонетъ голосъ каждаго изъ насъ,—даже пусть это будетъ исключительно сильный голосъ,—въ общемъ крикѣ множества людей.

Ибо человѣкъ, человѣческая единица сама по себѣ — это одно; и человѣкъ, какъ составная часть нѣкоторой людской совокупности, человѣческаго коллектива, болѣе или менѣе сплоченнаго единымъ, общимъ волненіемъ, возбужденіемъ, увлеченіемъ, или просто общими внѣшними впечатлѣніями,—это нѣчто совсѣмъ другое. *Такой* коллективъ, какъ извѣстно, живетъ своей особой жизнью и притомъ гораздо болѣе рѣзко выраженной, чѣмъ переживанія отдѣльныхъ лицъ,—живетъ по своимъ особымъ законамъ. Это—жизнь такъ называемой *толпы*.

Но слово „толпа“ нужно понимать здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Когда происходятъ великія, чрезвычайныя событія, въ родѣ войны, революціи, когда сотрясаются государства и мятутся народы, вы можете „оказаться въ толпѣ“ не только въ томъ случаѣ, если судьба закинула васъ въ предѣлы извѣстнаго, опредѣленнаго пространства, занятаго скопищемъ народа, будь то улица, площадь, поле или большое закрытое помѣщеніе. Допустимъ, общеніе ваше съ людьми въ такіе острые, напряженные историческіе моменты ограничивается какимъ-нибудь кружкомъ, обществомъ или союзомъ, ничего общаго съ безпорядочной толпой не имѣющими. Или, допустимъ, вы знаетесь только съ небольшой кучкой, компаніей знакомыхъ, либо незнакомыхъ вамъ личностей. Вы, наконецъ, просто будете сидѣть у себя въ квартирѣ,—съ женой, съ пріятелемъ, или даже хотя бы наединѣ съ собою. И все-таки *духъ толпы*, настроеніе, близкое къ тому душевному состоянію, которое свойственно лишь толпѣ, какъ таковой, это настроеніе можетъ передаться и вамъ. И чѣмъ ниже ваше духовное развитіе, тѣмъ вы переимчивѣй. Сгущенная, удушливая, накаленная, взрывчатая атмосфера, какая создается лишь въ толпѣ и толпою, въ революціонные дни свободно разливается широко кругомъ. Не зная преградъ, эта высокая температура проникаетъ въ какіе угодно уголки,—напр., вмѣстѣ съ внѣшне „холоднымъ“ газетнымъ листкомъ, даже сквозь закрытыя двери, сквозь стѣны—по телефонной проволокѣ,—и туманитъ самыя разнообразныя головы.

Заражаетъ легко страстность всякой толпы, тѣмъ болѣе «толпы» революціонной, особенно же у насъ въ Россіи: вѣдь это хорошо извѣстно, что русская душа—богата стихійностью. Мы слишкомъ легко сливаемся съ толпой, съ

человѣческимъ „табуномъ“, въ насъ мало духовной стойкости, личнаго начала, личной самостоятельности.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на особое свойство того массоваго душевнаго состоянія, которое охватываетъ толпу. Начало этой повальной „одержимости“ кладутъ, конечно, подстрекатели, вожаки, „демагоги“. Но и сами вожаки потомъ, въ свою очередь, волей-неволей заражаются вызваннымъ ими общимъ разгуломъ страстей и уже идутъ на уздѣ у толпы. Ея хмель неотвратимо ударяетъ имъ самимъ въ голову... А толпа, поддаваясь ею же распаляемому пылу своихъ главарей, доходитъ этакъ до большаго и большаго умоизступленія или одури.

Заразительно, необходимо добавить, всякое настроеніе толпы: не только повышенное, ищущее себѣ выхода въ дѣйствіи („бѣснованіе“), но и настроеніе пониженное, подавленное, ведущее къ бездѣйствію, оцѣпенѣнію, „разслабленности“. Заразительно это подавленное настроеніе для насъ, русскихъ, извѣстныхъ своей косностью, опять-таки въ особенности.

И вотъ, смотря по тому, душевное состояніе *какой* революціонной „толпы“ больше отвѣчаетъ складу вашей личности и вашему положенію, вы,—хотите этого или не хотите,—стихійно начинаете подражать наиболѣе близкому вамъ по общественному уровню, по жизненнымъ условіямъ и интересамъ кругу людей, съ которымъ и устанавливаются тогда какія-то тонкія, неуловимыя, но прочныя связи, прочнѣе обычныхъ. Вы становитесь, въ большей или меньшей степени,—въ зависимости отъ высоты вашего развитія,—рабомъ человѣческой *стадности*. Въ толпѣ, мы знаемъ, люди слишкомъ мало обсуждаютъ свои слова и поступки, слишкомъ мало провѣряютъ основательность ихъ. Они слѣпо, въ лучшемъ случаѣ близоруко, слѣдуютъ за большинствомъ, которое въ свою очередь кидается за вожакомъ...

Совѣсть, сознаніе на время какъ бы засыпаютъ. И вотъ пробуждаются въ человѣкѣ изначальные грубые животные инстинкты—тѣ самыя темныя первобытныя влеченія, которыя въ человѣческомъ существѣ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ его культурнаго роста, успѣли утончиться, облагородиться, стать болѣе духовными, возвышенными. Нынѣшній человѣкъ подобенъ сосуду съ водой, на днѣ котораго осѣла муть. Въ спокойномъ состояніи вода прозрачна.

Но встряхните сосудъ, взболтните воду—и она станетъ *мутной*.

Такъ мутнѣетъ разумъ человѣческій отъ революціоннаго угара. Средній, массовый человѣкъ легко становится «человѣкомъ толпы». Онъ будетъ производить такое впечатлѣніе, точно его подмѣнили. Можно разсматривать этихъ захваченныхъ революціей людей, какъ невмѣняемыхъ. Они теперь все равно, что пьяные, сумасшедшіе или малыя дѣти-несмышленыши...

Правда, какъ младенцы, такъ и пьяные, и даже помѣшанные проявляютъ свою невмѣняемость не въ однихъ только злыхъ, разрушительныхъ дѣйствіяхъ или въ попустительствѣ злу. Оставаясь невмѣняемыми, они могутъ совершить и такіе поступки, которые мы привыкли называть прекрасными, великими или трогательными. Также и *толпа* въ своемъ возбужденіи, переходящемъ въ воодушевленіе, способна на великое, героическое. Но мы, конечно, не можемъ возлагать особенныхъ надеждъ на эти свѣтлые въ жизни толпы моменты, въ данномъ случаѣ—на свѣтлые моменты революціи. Тутъ собственно не въ томъ дѣло, что такіе *праздничные* историческіе дни обыкновенно рѣдки и мимолетны; ибо даже и на мигъ блеснувшій яркій свѣтъ въ состояніи оставить прочный слѣдъ въ человѣческихъ душахъ.

Нѣтъ, дѣло въ другомъ—а именно въ томъ, что всякіе эти наши безчисленные „неоконченные споры“ и „нерѣшенныя тяжбы“, нетерпѣливо дожидающіеся Учредительнаго Собранія, къ сожалѣнію, вовсе не такого свойства, чтобы поддерживать въ революціонныхъ массахъ „свѣтлую праздничность“ настроенія, высокіе, героическіе порывы духа...

Итакъ, тѣ тысячи и милліоны русскихъ людей, которые наводятъ вдумчиваго наблюдателя на печальныя размышленія о судьбѣ нынѣшней нашей революціи и о дальнѣйшемъ ходѣ нашей исторіи, за малымъ исключеніемъ представляютъ собою сейчасъ и будутъ еще неопредѣленно долгое время представлять нѣкое всероссійское „стадо“ всероссійскую „толпу“ или толпы. И всякая попытка повліять въ *педогогическомъ* смыслѣ на ту или иную, бо́льшую, или меньшую часть населенія до окончанія революціи—ставитъ насъ прежде всего лицомъ къ лицу съ толпообразнымъ человѣческимъ множествомъ.

V.

Союзъ патріотическихъ пятерокъ.

Теперь, когда мы знаемъ, съ *кѣмъ* пришлось бы имѣть дѣло, спросимъ себя: *какъ* же, какимъ способомъ образумить неразумныхъ и безумствующихъ своевольниковъ и *какъ* увлечь безвольныхъ, малодушныхъ?

Въ чемъ-чемъ, а ужъ въ такихъ попыткахъ недостатка не было въ послѣдніе мѣсяцы. Мольбы, увѣщанія, укоризны, обличенія, обвиненія, осужденія, даже угрозы, печатныя и устныя, сыпались какъ изъ рога изобилія. На митингахъ и собраніяхъ *они* каждый день слышали обращенные къ нимъ десятки и пламенныхъ, и краснорѣчивыхъ, и убѣдительныхъ рѣчей этого рода. Десятки такихъ же воззваній и призывовъ густо пестрятъ, для *ихъ* читательскаго вниманія, стѣны домовъ и заборы. Въ газетахъ и летучкахъ для *нихъ* же каждый день печатались и печатаются десятки этихъ и подобныхъ воззваній, статей. «Отечество въ опасности!» «Отечество на краю гибели!»—твердили безъ устали патріотически настроенные писатели и ораторы, общественные и государственные дѣятели всѣмъ тѣмъ тысячамъ и милліонамъ своихъ согражданъ, кто эту опасность, вольно или невольно, увеличиваетъ, эту гибель приближаетъ.

И что же? Ходъ революціи показываетъ, что почти всѣ эти голоса все это время вопіяли въ пустынѣ.

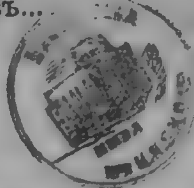
Одними словами не ограничились. Слова подкрѣпляются дѣлами,—въ надеждѣ, что хоть *дѣла* произведутъ достаточно сильное впечатлѣніе. И вотъ появляются комитеты по „организаціи духа", всероссійскіе „военные союзы", «союзы георгіевскихъ кавалеровъ», «военныя лиги», союзы и отряды «личнаго примѣра», «ударныя дружины», «штурмовые полки», всякіе добровольческіе, партизанскіе батальоны, даже женскіе «батальоны смерти»... Личными примѣрами стремятся также поддержать дѣятельный интересъ къ займу.

Однако, спросимъ: развѣ пожары тушатъ задуваньемъ, хотя бы дули на бушующее море огня изо всей мочи и безъ передышки и хотя бы для этой сомнительной работы съѣхались всѣ пожарныя части?..

Почему, въ самомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ неимовѣрныя, чуть не сверхъестественныя усилія, такъ слабо—такъ глухо и туго, медленно—доходятъ всѣ эти прекрасныя слова и

героическія дѣла до совѣсти и разума массоваго человѣка? Да потому, что съ такими словами и дѣлами обращаются обычно ко *всѣмъ*, къ *массѣ*, безъ различія, безъ разбора, опредѣленно не выдѣляя изъ однородной среды отдѣльныя личности, съ особенностями этихъ личностей не считаясь. Именно толпу, огромную, на всю Россію, «толпу», какъ нѣкую сумму, разсчитываютъ пронять резолюціями, воззваніями, приказами, устыдить «примѣрами». Хотятъ ввести въ берега разбушевавшую стихію,—или, наоборотъ, вывести изъ береговъ стихію застоявшуюся,—направивъ всю энергію воздѣйствія на самоё эту стихію, на коллективъ *непосредственно*. Забываютъ, въ чемъ *сила* какъ революціонной «улицы», такъ и революціоннаго «болота». Пускай хотя бы даже и ослабѣли на сегодня, почему-либо, жуткія, злыя чары толпы,—вѣдь завтра опять, благодаря новымъ обстоятельствамъ, можетъ ея массовая воля встать передъ вами глухой стѣной, которую если и прошибешь, то развѣ только чѣмъ-нибудь исключительнымъ, чрезвычайнымъ, и то скорѣе какимъ-нибудь изъ ряда выходящимъ событіемъ, *случаемъ*, чѣмъ обдуманными поступками. Только грозные голоса самой жизни, предостереженія дѣйствительности, пощады не знающей, или такія мѣры, какъ приказъ о смертной казни, могутъ быть по настоящему услышаны «по ту сторону стѣны».

Забываютъ, въ чемъ сила этого многоголоваго чудовища. Но забываютъ также и то, *въ чемъ его слабость*. Попробуйте «распылить толпу» и такъ или иначе разбить «стадо» на тысячи, милліоны его составныхъ частей — займитесь съ каждой изъ этихъ человѣческихъ единицъ въ отдѣльности. Именно каждую человѣческую особь, а не коллективъ окружите вашей заботой. Постарайтесь одного за другимъ «вывести изъ толпы» на «свѣжій воздухъ» всѣхъ этихъ «охмелѣвшихъ» и «угорѣвшихъ», т. е. постарайтесь «отрезвить» или «привести въ чувство» ихъ въ одиночку, гдѣ-нибудь въ «сторонкѣ». И тогда-то вы овладѣете массой, и она, уже разобщенная духовно съ кучкой своихъ толкачей, вдохновителей, превратится въ нѣчто подобное тому, что остается отъ воздушнаго шара, если изъ него выпустить газъ (или,— гдѣ нужно,—вы, наоборотъ, всколыхнете шаръ соотвѣтствующимъ газомъ и поможете ему «взлетѣть»). Вспомнимъ извѣстную исторію съ пучкомъ прутьевъ...

Но какъ на дѣлѣ выполнить эту огромную работу? Кому она по силамъ? И вообще, выполнима ли она сама по себѣ?

Если кликнуть кличъ по всей землѣ русской и на этотъ зовъ откликнется хоть *одна сотая* тѣхъ, воодушевленныхъ твердой рѣшимостью, — молодыхъ и старыхъ, ученыхъ и неученыхъ, военныхъ и штатскихъ, тыловыхъ и фронтовыхъ,— русскихъ гражданъ, кто не на словахъ только, а и на дѣлѣ любитъ Россію, любитъ общую всѣмъ намъ, разноплеменнымъ, мать-родину, кому дѣйствительно дорого благо и величіе ея, кто не остается глухъ къ настойчивому вопросу совѣсти: «дѣлаешь ли ты лично *все*, что въ силахъ, для спасенія родины?».. Тѣхъ русскихъ гражданъ, кто, взирая съ тяжелымъ сердцемъ на революціонную свистопляску, этотъ постыдный «пиръ во время чумы», вѣритъ однако въ конечное торжество правды и добытой свободы, именно кто сумѣлъ подняться на высоту государственнаго пониманія момента,—даже если отзовется хоть тысячная доля такихъ, о, тогда можно не сомнѣваться въ *силахъ*: онѣ найдутся. Весь вопросъ лишь въ томъ, какъ *использовать* эти,—въ значительной части еще пока разсѣянная,—богатыя силы, давно готовыя на подвигъ, давно готовыя спаять въ единый мощный рычагъ отдѣльныя свои человѣческія воли.

Въ исторіи политическихъ заговоровъ извѣстенъ способъ составленія тайныхъ обществъ изъ такъ назыв. *пятерокъ*. Первоначальная, основная «пятерка» развѣтвлялась чѣмъ дальше, тѣмъ гуще—въ сѣть новыхъ и новыхъ ячеекъ. Вотъ эту-то форму заговора, хорошо обезпечивавшую его отъ *провала*, перенесемъ изъ потемковъ подполья на свѣтъ Божій! Изъ тайнаго сдѣлаемъ общество явнымъ—во славу все той же революціонной борьбы съ *врагами свободы*, прямыми и косвенными, вольными и невольными!

Предположимъ наиболѣе скромный итогъ настоящаго предложенія: отзовется всего-навсего 500 чел. 500 чел. изъ 170,000,000 населенія—что можно вообразить себѣ скромнѣе... И вотъ эти 500 чел. положатъ начало святому дѣлу просвѣтлѣнія умовъ и очищенія сердецъ,—очищенія нашей революціи отъ накипи и, далѣе, объединенія всѣхъ вѣрныхъ, здравомыслящихъ сыновъ свободной, демократической Россіи: они образуютъ первыя 500 пятерокъ, соберутъ первыхъ 2,500 чел. Присоединенные участники патріотическаго союза со своей стороны позаботятся о новыхъ пятеркахъ. Тогда

такихъ ячеекъ будетъ уже, вмѣстѣ съ прежними—2,500 (10,500 чел.). Каждый изъ новыхъ четырехъ членовъ каждой новой ячейки беретъ на себя обязательство въ свою очередь составить пятерку. Теперь мы имѣемъ сѣть изъ 10,500 пятерокъ съ 42,500 членовъ, и т. д.

Если бы умѣнье дѣйствовать и энергія всѣхъ отозвавшихся и привлеченныхъ затѣмъ дѣятелей были на такой высотѣ, что образованіе пятерокъ каждаго слѣдующаго разряда потребовало бы только одного дня, то знаете ли вы, сколько всего понадобилось бы времени, чтобы сплотить такимъ способомъ всѣхъ, буквально *всѣхъ* гражданъ Россіи? Не болѣе 10 дней... Но допустимъ, что вербовка шла бы значительно медленнѣе—по одному дню на каждое привлекаемое лицо. Даже и тогда бы можно было «образумить», будь въ томъ надобность, опять-таки *весь* русскій народъ чуть ли не въ какія-нибудь пять недѣль!..

Таково удивительное преимущество намѣчаемаго плана. Разумѣется, на дѣлѣ, на практикѣ ожидаютъ насъ на каждому шагу всевозможныя неожиданности и трудности. Такъ гладко и стройно не можетъ совершаться предполагаемая табота. Но вѣдь зато и задача не такъ сложна и громоздка, какъ мы ее сейчасъ представили себѣ: не всю же Россію, повторяю, призывать придется къ благоразумію!..

VI.

Программа и тактика союза.

Какъ бы то ни было, уже черезъ нѣкоторый промежутокъ времени соберется на Руси, внушительною ратью, подъ знамя *единенія, свободы и чести*, союзъ, или—если угодно—партія служенія родинѣ, партія любви къ отечеству. Какая это будетъ счастливая партія! Ей не понадобятся никакіе „комитеты“—ни «районные», ни «центральные», ни „исполнительные“. И не нужны будутъ этой партіи ни «бюро» ни «президіумы». Эта партія прекрасно и дружно будетъ работать также и безъ «съѣздовъ», безъ «конференцій». Этой партіи, далѣе, нечего опасаться «фракціоннаго» или «секціоннаго» разброда. И, главное, нечего опасаться этой партіи соперничества, столкновенія съ другими партійными организаціями:

«партія служенія родинѣ» по духу и по цѣлямъ своимъ такова, что ей нисколько не повредитъ одновременная принадлежность ея членовъ къ какимъ угодно политическимъ партіямъ. Точно такъ же и никакая изъ существующихъ уже партій не можетъ, по настоящему, имѣть ничего противъ участія своихъ членовъ въ дѣятельности этого своеобразнаго партійнаго союза. Ибо несложная, немудреная программа послѣдняго не будетъ заключать въ себѣ ни одного пункта, который бы расходился съ программными требованіями любой *демократической* партіи, который былъ бы чуждъ программному катехизису любой серьезной партіи.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему обязываетъ своихъ приверженцевъ союзъ служенія родинѣ? Онъ скажетъ каждому: «Кто бы ты ни былъ—либо соціалъ-демократъ меньшевикъ или большевикъ, либо соціалистъ-революціонеръ, либо народный соціалистъ, либо конституціоналистъ-демократъ, либо еще кто—радикалъ-демократъ, либералъ-демократъ, республиканецъ, монархистъ, короче—соціалистъ или несоціалистъ, все равно, но прежде, чѣмъ предлагать или принимать рѣшеніе по тому или иному *частному* политическому, общественному, хозяйственному вопросу, задайся *общимъ* жизненнымъ вопросомъ: поступаю ли я *честно*, и *честно* ли предъявляемое требованіе? Соблюдается ли въ этомъ случаѣ высокая человѣческая честь, высокое человѣческое достоинство, человѣческія доблесть и «благородство?»

Вотъ въ сущности и вся, если хотите, «программа» «партіи служенія отечеству». Въ этомъ, только что изложенномъ, «пунктѣ», какъ въ зернѣ, уже заключены всѣ правила ея *партійнаго* поведенія.

Такъ, напр., если я захочу и найду въ себѣ мужество быть честнымъ и добросовѣстнымъ до конца, то я всегда и вездѣ буду ставить требованія правды превыше всякихъ «программныхъ» и «тактическихъ» соображеній, вѣчные интересы нравственности превыше временныхъ и случайныхъ интересовъ политики, партійности и никогда не унижусь до пользованія правиломъ: «цѣль оправдываетъ средства»,—какія бы то ни были средства!

Во-вторыхъ, если я захочу и найду въ себѣ мужество быть честнымъ и добросовѣстнымъ до конца, то всегда и вездѣ буду имѣть въ виду, хоть и оставаясь на классовой точкѣ зрѣнія, интересы *всей* демократіи, всего трудового народа. Буду ставить эти общедемократическіе интересы

и задачи выше нуждъ и стремленій какого-либо отдѣльнаго класса, особенно когда этотъ классъ—какъ въ Россіи пролетаріатъ—составляетъ только *одну восьмую* или даже, пожалуй, *одну девятую* часть всего населенія. Однимъ словомъ, буду служить началамъ демократіи, а не какой-то „класcократіи». Если я захочу быть честнымъ, я спрошу себя и другихъ: не будетъ ли нарушена справедливость не только въ томъ случаѣ, когда «диктаторское» мѣсто бюрократіи займетъ буржуазія, но также и тогда, если этимъ замѣстителемъ будетъ пролетаріатъ, какъ часть, только часть демократіи? И спрошу себя и другихъ: не повинны ли также и я, и вы въ этой великой общественной и государственной несправедливости и, далѣе, въ ослабленіи нашей революціи, когда всячески помогаемъ утвердить «диктатуру пролетаріата»? *Честно* ли поступаемъ мы по отношенію къ свой землѣ и ко всей націи, когда присваиваемъ своему классу, либо своей народности исключительное право и власть распоряжаться судьбой страны или хотя бы нѣкоторой ея части, не спросясь единственнаго, полновластнаго Хозяина Русской Земли—предстоящаго всенароднаго Учредительнаго Собранія?

Въ-третьихъ, если я захочу и найду въ себѣ мужество быть честнымъ и добросовѣстнымъ до конца, то я всегда и вездѣ буду отстаивать настоящую *свободу*, а не ту, которою теперь сплошь до рядомъ подмѣняютъ свободу подлинную, буду всегда и вездѣ помнить, что свобода и безсудное своеволіе, самовластіе — совсѣмъ не одно и то же. Истинная свобода есть прежде всего *внутренняя* свобода: она означаетъ свободное, добровольное, безъ внѣшняго принужденія, повиновеніе правдѣ и общепризнанному закону—все равно постоянному или временному. Свобода обязываетъ. Тамъ, гдѣ отдѣльный человѣкъ или отдѣльная группа, классъ, партія людей будетъ безотвѣтственно заботиться только о своей особой, преимущественной свободѣ, будетъ добиваться полноты *правъ* и знать не захочетъ никакого самоограниченія, своихъ *обязанностей*, тамъ неизбѣжно столкновеніе этихъ разныхъ *частныхъ* «свободъ» и, значитъ, тамъ нѣтъ и быть не можетъ полной, *общей* свободы, т.-е. свободы въ собственномъ смыслѣ слова. Особенно когда прямо, явно покушаются на эту общую, всенародную свободу — а именно, заранѣе навязываютъ Учредительному Собранію свои притязанія, свою волю. Вмѣсто дѣйствитель-

ной свободы сами мы куемъ себѣ цѣпи новаго рабства—духовнаго, и такимъ образомъ только подтверждаемъ лишній разъ ту обидную для нашей *чести* мысль, что мы рабы по своей природѣ и что, значитъ, «взбунтовались рабы»...

Въ-четвертыхъ, если я захочу и найду въ себѣ мужество быть честнымъ и добросовѣстнымъ до конца, то я не буду идолопоклонствовать, не сотворю себѣ кумира изъ революціи,—не стану затыкать уши и отплевываться, когда мнѣ будутъ объяснять, что революція, какъ и все на свѣтѣ, имѣетъ свой естественный конецъ—именно въ завоеваніи и укрѣпленіи народомъ всей свободы для жизнестроительства, для полнаго творческаго развитія своей жизни, и что *соціальной* революціи, т.-е. *внезапнаго* общественно-хозяйственнаго *переворота*, а тѣмъ болѣе революціи *соціалистической*, быть не можетъ и быть не должно. Если я захочу быть честнымъ до конца, то я и продумаю до конца вотъ эти слова о политической и соціальной революціи такого свѣдущаго въ данномъ вопросѣ человѣка, такого опытнаго революціоннаго дѣятеля, какъ старый шлиссельбуржецъ Н. А. Морозовъ:

«Революція въ томъ смыслѣ, какъ мы обычно понимаемъ это слово, есть быстрый, насильственный переворотъ. Такимъ переворотомъ, какъ правильно приспособленнымъ взрывомъ пороха, можно сбросить, безъ большихъ поврежденій, давящую *крышу* деспотическаго государства,—его политическій строй,—какъ и было сдѣлано у насъ въ недавніе мартовскіе дни; но нельзя этимъ способомъ вырвать изъ подъ него *фундаментъ*, т.-е. исторически сложившійся экономическій строй, безъ крушенія всего зданія. Экономическій фундаментъ всякаго сложнаго государства можно только преобразовывать на новый лучшій складъ и притомъ осторожно и гуманно (человѣчно), замѣняя въ немъ камень за камнемъ въ отдѣльности».

Въ-пятыхъ, — или, лучше сказать, во-первыхъ,—если я захочу и найду въ себѣ мужество быть честнымъ и добросовѣстнымъ до конца, то я буду вездѣ и всегда, когда понадобится, поддерживать *честь*, достоинство той страны и той націи, которыя мнѣ ближе всего, съ которыми я тѣснѣе всего связанъ и по крови, и по духу, и по разнобразнымъ жизненнымъ интересамъ. Буду напоминать и внушать себѣ ту простую истину, что безъ неуклонной заботы объ этомъ „общемъ“, „цѣломъ“, т.-е. объ отечествѣ, вся моя

партійная или безпартійная дѣятельность на пользу себѣ и другимъ будетъ „домомъ, построеннымъ на пескѣ“. И, въ частности, если я захочу и найду въ себѣ мужество быть честнымъ до конца, то я услышу отвѣтъ своей совѣсти на щекотливый вопросъ о войнѣ и мирѣ, о «контрибуціяхъ» и «аннексіяхъ» и т. д. Отвѣтъ этотъ такой. Кончать войну, понятно, надо наивозможно скорѣе, но надо кончать ее такъ, чтобы намъ, русскимъ, *союзникамъ* французовъ, англичанъ, сербовъ, бельгійцевъ, итальянцевъ, румынъ, американцевъ, японцевъ, съ *честью* выйти изъ создавшагося тяжкаго положенія и упрочить надолго будущій всеобщій миръ. Но кто можетъ съ должнымъ успѣхомъ предписывать условія желательнаго ему почетнаго мира? Только тотъ, съ чьей силой считается противная сторона. А это значитъ, что нужно сначала доказать свою силу, т. е. побѣдить. А какъ побѣдишь, не ударя пальца о палецъ?..

Ну, а что касается споровъ объ «аннексіяхъ», «контрибуціяхъ» и проч., то хочется спросить вмѣстѣ съ С. Франкомъ («Русская Свобода»): «почему безнравственно защищать съ оружіемъ въ рукахъ интересы своей родины и не безнравственно, а почетно и возвышенно, съ оружіемъ въ рукахъ защищать противъ своихъ же согражданъ интересы своего класса?..» Ужъ предоставьте всѣмъ участвующимъ въ войнѣ народамъ рѣшать самимъ въ свое время, на всемірномъ конгрессѣ мира, вопросъ объ «аннексіяхъ» и «контрибуціяхъ». И... побольше довѣряйте международной, въ частности отечественной, демократіи, которая получитъ же тогда, по окончаніи войны, возможность не только выразить, свободно и открыто, свою волю на этотъ счетъ, но и оказать достаточно сильное давленіе на рѣшенія конгресса.

Въ-шестыхъ, если я захочу и найду въ себѣ мужество быть честнымъ и добросовѣстнымъ до конца, то я буду честно, съ достоинствомъ бороться со своими противниками на выборахъ въ Учредительное Собраніе. А если я еще не успѣлъ осмотрѣться и точно опредѣлить, кто же собственно «противники» и кто «союзники», другими словами—представителей какой партіи слѣдуетъ считать наиболѣе надежными для нашего Учредительнаго Собранія представителями родной земли, а представителей какой или какихъ партій—болѣе сомнительными, то я постараюсь сдѣлать это заблаговременно и безпристрастно и ужъ этимъ зрѣлымъ рѣшеніемъ зрѣло руководствоваться въ нужную минуту. И т.д., и т.д.

VII.

Воспитательныя задачи пятерокъ.

Такова въ общихъ, главныхъ чертахъ *программа* и *тактика* нашей «партіи». Такимъ образомъ, этотъ союзъ, «союзъ пятерокъ», не стѣсняя свободы ни одной *истинно* демократической политической партіи, будетъ въ своей работѣ преимущественно удѣлять вниманіе тѣмъ *двумъ важнымъ сторонамъ* участія гражданъ въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ, которыя хотя и не отвергаются основными требованіями всякой *честной* политической партіи, въ какой угодно странѣ, но въ дѣйствительности довольно часто заслоняются и затемняются, въ пылу борьбы, ея животрепещущими «очередными» практическими задачами. Одна изъ этихъ сторонъ—*моральная* (честь, честность). Другая—*національная*: какъ и нравственная сторона, часто заслоняется, затемняется и, значитъ, можетъ быть упускаемо изъ виду то, что данная нація, населяющая извѣстную страну, образующая извѣстное государство, таинственнымъ образомъ составляетъ нѣкое великое цѣлое, нѣкое единое, хотя и многочленное тѣло, *организмъ*, который имѣетъ свою душу, свой духъ, свои потребности и живетъ своей особой, своеобразной, неповторяемой жизнью.

Сейчасъ еще эти организмы-народы живутъ каждый своей отдѣльной жизнью (какъ нѣкогда—части населенія какого-нибудь государства), и тѣ связи, какія между ними существуютъ, являются часто внѣшними и болѣе или менѣе случайными. Но человѣчество, по крайней мѣрѣ просвѣщенное, культурное человѣчество, стремится къ тому, чтобы въ концѣ концовъ и самому, въ цѣломъ, превратиться въ организмъ, — чтобы нынѣшніе національные «организмы» переродились въ органы этого, уже всемірнаго, «тѣла».

Отсюда ясно, что нашъ *союзъ* долженъ быть не только «безпартійнымъ» или «внѣпартійнымъ» и не только «внѣклассовымъ» политическимъ товариществомъ. Онъ долженъ пріучить и пріохотить массы къ высокому *надпартійному* и *надклассовому* служенію своей родинѣ и проводить въ сознаніе этихъ массъ великую творческую мысль о подготовкѣ, черезъ такое служеніе своей націи, *истиннаго* Интернаціонала—уже не международнаго единенія *пролетаріата* только,

одного лишь рабочаго класса, а и всечеловѣческаго братства народовъ.

Сама *партія служенія родинѣ* будетъ своего рода братствомъ. Не столько политической партіей, сколько именно политическимъ братствомъ, притомъ братствомъ-школой,— по своимъ воспитательнымъ задачамъ.

Этихъ задачъ двѣ. Съ одной стороны, участники братскихъ «пятерокъ» берутъ на себя борьбу съ низменными склонностями и страстями, вредными для государственнаго и общественнаго дѣла. Это, прежде всего, свойственныя вообще людямъ жадность, себялюбіе, мелкое самолюбіе, лицемѣріе, лживость, небрежное отношеніе къ «чужой» правдѣ и къ чужому праву. Далѣе, это значитъ искоренять легко дѣйствующій на массы въ смутные, особенно революціонные дни духъ зла и низости—хамства, безстыдства, наглости, неразборчивости въ средствахъ, разнузданности, произвола, насильничества, озорства, человѣконенавистничества, презрѣнія къ высшимъ духовнымъ цѣнностямъ, благамъ культуры. Особо отмѣтимъ ядъ *политиканства*, какъ злокозненности, двоедушія, нечестной игры въ политикѣ.

Яды такого рода повальныхъ духовныхъ болѣзней, отравляя простыя, открытыя души, *обезображиваютъ*, уродуютъ свѣтлый ликъ революціи. Но есть еще одна опасная отрава,—*мертвящая* всякое живое движеніе. Это—духъ нетерпимости, изувѣрства или же верхоглядства, вообще духъ слѣпого самомнѣнія, упрямаго, часто ни передъ чѣмъ не останавливающагося навязыванія другимъ своихъ предвзятыхъ, пускай даже возвышенныхъ, но безпочвенныхъ, внѣжизненныхъ, практикой жизни опровергаемыхъ умозрѣній, теорій.

Итакъ, съ одной стороны, прежде всего необходимо освобожденіе русскаго человѣка отъ противообщественныхъ навыковъ, замашекъ, порывовъ. Но этого, понятно, мало: «очищенныя» души должны быть, съ другой стороны, наполнены новымъ содержаніемъ—высшими гражданскими добродѣтелями. Добродѣтели эти—чувства долга и справедливости, чуткая совѣстливость, правдивость, чувство порядочности, далѣе чувство родины, чувство отвѣтственности за свои слова и поступки передъ настоящимъ и будущимъ родины, передъ современниками и потомками, главное же— чувство чести, своей, народной и государственной. Ибо

когда есть налицо влеченіе къ такой высокой честности, то можно ожидать отъ человѣка и признанія силы за правомъ, а не права за силой, и отвращенія ко всякой неправдѣ, къ двуличности, къ низости, и исполненія своего долга, и готовности нести отвѣтственность, и готовности къ жертвамъ, готовности къ великодушію, и сдерживанія своихъ низменныхъ инстинктовъ, подчиненія ихъ высшимъ требованіямъ Добра и Правды.

Чувство чести, такимъ образомъ, является одной изъ основъ человѣческаго общежитія, тѣмъ болѣе *свободнаго* общежитія. Но это, конечно, не должно быть ни въ коемъ случаѣ мелкимъ личнымъ *честолюбіемъ*—суетнымъ тщеславіемъ, властолюбіемъ, или болѣзненнымъ самолюбіемъ, выражающимся во вздорной обидчивости, въ преувеличенномъ понятіи о своей чести.

Чувство чести есть, иными словами, чувство уваженія,— прежде всего къ самому себѣ, но также и къ другимъ, вообще ко всему достойному уваженія. Это есть, прежде всего, чувство уваженія къ «образу и подобію Божію» въ человѣкѣ, въ каждомъ человѣкѣ, — чувство уваженія къ «живущему въ насъ Святому Духу» (ап. Павелъ).

Облагороженный, общественно воспитанный человѣкъ изъ уваженія къ себѣ, дорожа своей собственной честью и достоинствомъ, будетъ непремѣнно уважать и чужую честь, чужое достоинство, будетъ уважать и свободу,—чью бы то ни было,—и право, и законъ, и правительство и вообще всякую власть, — если, конечно, она служитъ закону,— и народъ, всю націю, какъ таковую, и общество, и государство, а не только *свой* классъ, *свою* народность, *свою* партію. Будетъ уважать и просвѣщеніе, и просвѣщенныхъ людей, интеллигенцію, и чужой трудъ,—и не только физическій, но и, тѣмъ болѣе, умственный,—будетъ уважать и всѣхъ честныхъ людей, хотя бы они были инако мыслящими и даже прямыми противниками въ общественной борьбѣ, будетъ вообще уважать чужое мнѣніе, всякую живую человѣческую личность, человѣческую душу, человѣческій духъ, вѣчныя цѣнности духа. Изъ уваженія къ себѣ, къ человѣческому духу, мы не можемъ не уважать и *революціи*, какъ великой силы человѣческой культуры, великаго творческаго движенія впередъ, къ развитію свободы, права, правды и общаго блага. А уважать революцію значитъ взять на себя великое обязательство въ наши дни...

Боже, до чего намъ, русскимъ, еще не хватаетъ этого многообразнаго чувства уваженія, этого бережнаго отношенія, терпимости ко *всѣмъ* человѣческимъ цѣнностямъ и святынямъ, и — что особенно замѣчательно — не хватаетъ потребности быть уважаемымъ другими! Вѣдь только при взаимномъ уваженіи люди достигаютъ взаимопониманія и взаимнаго довѣрія; а безъ взаимопониманія и взаимнаго довѣрія развѣ мыслимо наладить счастливо наши взаимоотношенія. И до чего намъ не хватаетъ потребности,—изъ этого чувства уваженія, чувства чести вытекающей,—потребности быть тактичнымъ... Мы придаемъ такое большое значеніе вопросамъ партійной *тактики*, но мы еще не дозрѣли до привычки основывать вопросы эти на *тактъ*, т. е. на чувствѣ мѣры, приличія, порядочности. Не оттого ли у насъ такъ часты всякія «тактическія разногласія»?..

Въ человѣчествѣ дѣйствуютъ двоякаго рода силы. У большинства людей до сихъ поръ еще берутъ перевѣсъ болѣе древніе, исконные инстикты и чувства, отвлекающіе насъ подальше отъ «органическихъ» интересовъ *общаго, цѣлаго*—къ выдѣленію, обособленію *своего, частичнаго*. «Моя (или «наша»—партійная, классовая, областная и т. п.) хата съ *краю*,» и „Лови моментъ!“—вотъ какъ можно грубо выразить сущность такой «тактики». Другія, позже образовавшіяся силы, въ противоположность первымъ, толкаютъ человѣка въ его дѣятельности отъ „края“ къ «серединѣ»—къ средоточію, *центру* общей жизни, общаго блага, побуждаютъ позаботиться и объ этомъ общемъ благѣ, безъ и внѣ котораго, какъ во всякомъ организмѣ, не можетъ быть обезпечено чье и какое бы то ни было благо частное. Вотъ, въ концѣ концовъ, къ тому и сведется работа патріотическихъ «пятерокъ», чтобы всячески ослаблять, заглушать въ людяхъ первыя изъ этихъ чувствъ и влеченій, *центробѣжныя*, и развивать, укрѣплять волю противоположнаго, *центростремительнаго* направленія.

Вы, конечно, спросите: а что же *любовь*? любовь къ людямъ, къ Богу, къ родинѣ, къ культурѣ?.. Почему ни слова здѣсь о воспитаніи этого важнѣйшаго, надежнѣйшаго *общественнаго* двигателя? Развѣ не чувство любви,—а также то, что называется богобоязненностью, богопочитаніемъ, еще шире, религіознымъ чувствомъ,—должны служить намъ самымъ вѣрнымъ компасомъ въ соціальной, а значитъ, и въ политической жизни?

Такихъ вопрошателей спросимъ въ свою очередь: можно ли внѣдрить—по крайней мѣрѣ въ *короткій* срокъ—эти чувства въ тѣ сердца, гдѣ нѣтъ нужныхъ *природныхъ* задатковъ, зачатковъ любви, альтруизма, религіозности, или гдѣ такіе ростки слишкомъ слабы? Не цѣлесообразнѣе ли прежде всего подумать о „разработкѣ почвы", т.-е. начать съ прививки другого, родственнаго, болѣе доступнаго людямъ чувства, которое одинъ мыслитель (Лейбницъ) назвалъ *любовью мудрыхъ*. Это—чувство справедливости. Но, собственно, не здѣсь еще „начало", какъ мы видѣли выше. Чувство справедливости, какъ плодъ воспитанія—вѣдь это есть въ сущности цвѣтокъ на томъ растеніи, которое называется *чувствомъ чести или уваженія*. Итакъ, если мы хотимъ любоваться цвѣтами, поспѣшимъ посадить сѣмена...

Политическое *образованіе* массамъ, какъ и всякое иное образованіе, всякія иныя знанія, дадутъ книги, брошюры, лекціи и т. п. Но политическаго *воспитанія*, которое такъ же существенно важно сейчасъ, изъ книгъ не почерпнешь. Здѣсь требуется взаимное живое общеніе людей, живое слово, живая работа болѣе крѣпкихъ общественнымъ духомъ и общественной правдой гражданъ, ихъ благой, просвѣщенный личный примѣръ. Только не должны быть обращены эти «личные примѣры» куда-то въ пространство, безъ прямого, точнаго обозначенія, для кого слова и примѣры предназначаются...

Рядовой нашей интеллигенціи,—этому «мозгу страны», —«партія служенія родинѣ» открываетъ благодарное поприще дѣятельности. Революція поставила русскую интеллигенцію въ довольно неудобное, прямо-таки двусмысленное положеніе. Интеллигенцію, которая у насъ всегда составляла передовой отрядъ революціонныхъ силъ, теперь огульно, безоглядно смѣшиваютъ съ такъ называемой буржуазіей. Исторически накопившаяся у трудового народа непріязнь къ «буржуазіи», вообще къ «господамъ», «барамъ», уже не разбираетъ, кто настоящій «буржуй» и кто сопричисленъ къ этому довольно неопредѣленному въ Россіи классу совершенно зря, по недоразумѣнію. А между тѣмъ, если кому и дано оздоровить нашу революцію и ввести разбредающіеся ея мутные потоки въ единое спасительное русло, то ужъ, конечно, это именно интеллигенціи, лучшей части интеллигенціи. Но когда еще учтется эта заслуга ея. Въ настоящее же время она не можетъ не

быть озабочена тѣмъ, какъ облегчить свое положеніе, какъ вернуть неожиданно утраченное уваженіе и довѣріе къ ней демократическихъ низовъ. И вотъ передъ интеллигенціей, интеллигентской массой—одинъ изъ путей возстановленія духовныхъ связей, возстановленія своего вліянія.

Русскіе интеллигенты! И всѣ вы, русскіе *интеллигентные* люди! Все равно,—изъ «образованныхъ» вы или «необразованныхъ», изъ «господъ» или «простыхъ». Всѣ вы, *понимающіе* (интеллигентъ—вѣдь это прежде всего и значитъ «понимающій»), чего недостаетъ сейчасъ для преуспѣянія общей нашей матери-родинѣ! Русскіе патріоты! *Русскіе*—по этой общей всѣмъ намъ матери, хотя и разноплеменной мы крови. Братья, воистину братья! Не теряя ни одной минуты, не дожидаясь, когда встрепенутся другіе; не загадывая впередъ, много или мало будетъ вообще этихъ встрепенувшихся; не смущаясь вопросомъ, много или мало удастся сдѣлать лично вамъ и всѣмъ вмѣстѣ, —возьмите въ свои руки почипъ! Это вашъ долгъ, долгъ лучшихъ русскихъ людей, революціонный долгъ сегодняшняго дня. Сорганизуйте каждый свою «пятерку», сплотите покрѣпче привлеченныхъ вами согражданъ! Усердно и упорно освобождайте отъ чаръ толпы тѣхъ изъ нихъ, кто этими чарами опутанъ. И настройте ихъ такъ, чтобы они почувствовали себя дѣйствительно свободными, духомъ независимыми, и почли также и своей патріотическою обязанностью потрудиться для общаго дѣла—распространеніемъ братскихъ «пятерокъ».

Пусть эта наша работа, каждаго въ отдѣльности, сама по себѣ, съ «высшей» точки зрѣнія—маленькая, скромная работа, своего рода лепта вдовицы; но вѣдь суть вопроса въ *суммѣ* единичныхъ усилій. А что касается крупныхъ, великихъ, видныхъ дѣлъ, то вѣдь лишь на долю немногихъ избранниковъ народа выпадаетъ счастье совершить ихъ. Въ комъ заговорила совѣсть, въ комъ до боли ясно сознаніе долга въ такую критическую минуту исторіи, тотъ не станетъ терять время на разсужденія, лукавыя мудрствованія а будетъ радъ такой простой и легкой возможности внести свою «лепту» и ужъ найдетъ досугъ для этого.

Русскія женщины! Если вообще на русскихъ интеллигентовъ естественно *братству служенія родинѣ* возложить свои первыя упованія, то къ вамъ, героическія русскія

женщины, несутся самыя смѣлыя надежды. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о воздѣйствіи не столько на умы, сколько на чувства и волю, тамъ вы нужнѣе, чѣмъ кто-либо. Ибо вы лучше мужчинъ знаете секретъ такого вліянія. Вы лучше мужчинъ знаете путь къ человѣческому сердцу. Вы—прирожденныя воспитательницы. И вамъ, какъ матерямъ, настоящимъ или будущимъ, какъ матерямъ по призванію,—вамъ ближе, понятнѣе великое горе дорогой нашей общей матери...

Въ заключеніе нѣсколько дѣловыхъ замѣчаній.

Какъ просто рѣшается вопросъ о «партійной» программѣ и тактикѣ нашего братства, такъ въ сущности и нѣтъ нужды распространяться о томъ, какимъ образомъ составлять «пятерки» и какъ въ дальнѣйшемъ поддерживать ихъ существованіе, тѣсную связь между членами-братьями. Это предоставляется разумѣнію, чутью, свободному выбору каждаго организатора.

Одинъ, напр., будетъ развивать свою дѣятельность въ средѣ «бѣснующихся», другой найдетъ болѣе удобнымъ для себя приняться за „разслабленныхъ", третій попытаетъ счастья и здѣсь и тамъ. Я, скажемъ, предпочту испробовать свои силы на хорошо знакомомъ человѣкѣ, а вамъ все равно, кого сдѣлать предметомъ своей заботы—хотя бы первую попавшуюся на глаза въ митинговой толпѣ „жертву" ея... Или же вы, тоже безъ стѣсненія, по праву сына своей родины, войдете въ чужой домъ, разъ знаете, что тамъ есть, чьей совѣсти предъявить счетъ къ уплатѣ. Я начну съ того, что дамъ прочесть кому слѣдуетъ эту вотъ самую книжку, конечно, заручившись предварительно его благожелательнымъ вниманіемъ. А вы о ней даже не заикнетесь: вамъ ваша любовь къ отечеству или — взять глубже — религіозное чувство, религіозный паѳосъ подскажетъ свои мысли, свои слова, свой подходъ къ душѣ человѣческой. И такъ дальше.

Что же касается общенія съ новыми друзьями-*братьями*, то одно желательно во всякомъ случаѣ: чтобы эти встрѣчи происходили возможно чаще и были общими для всѣхъ членовъ вашей пятерки.

Очень важно также, какъ это само собою понятно,—чтобы въ составъ каждой пятерки входило лицо, достаточно просвѣщенное, которое могло бы поддерживать на должной высотѣ духовное водительство въ этой группѣ и связи ея съ ближайшими, примыкающими къ ней пятерками. Поэтому всѣмъ тѣмъ учредителямъ, кто не чувствуетъ въ себѣ требуемаго запаса умственныхъ силъ, знаній, культурнаго опыта, предлагается найти и ввести въ свою пятерку, въ числѣ другихъ, такого вотъ полезнаго человѣка.

Руководители пятерокъ естественно будутъ заботиться о *внутренней* силѣ своихъ маленькихъ группъ. Но сила пятерокъ можетъ быть и *внѣшней*. Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, въ каждомъ селѣ наши патріотическія ячейки, когда уже наберется ихъ достаточное число, могутъ создать изъ себя въ данномъ районѣ, своимъ совмѣстнымъ, согласованнымъ и подчеркнутымъ поведеніемъ, настолько вліятельный органъ общественнаго мнѣнія, что съ нимъ невольно станутъ считаться остальные жители. Члены пятерокъ сообща будутъ, какъ говорится, давать тонъ мѣстной жизни, именно тонъ высокой, истинной патріотичности. И чѣмъ громче, энергичнѣе, внушительнѣе будетъ звучать этотъ тонъ, тѣмъ сильнѣе будетъ благородное давленіе братства-партіи—побуждать войти въ его кругъ тѣхъ, кто еще остается внѣ этого круга*.

*) Желательно было бы имѣть, для статистики, слѣдующія свѣдѣнія объ инціаторахъ пятерокъ и привлеченныхъ ими членахъ: 1) возрастъ, 2) полъ, 3) національность, 4) профессія, 5) мѣстожительство (городъ, уѣздъ). Свѣдѣнія эти просятъ направлять по адресу: *Москва. „Союзъ Солдатскаго и Крестьянскаго просвѣщенія". П. Ф. Кудряшову. Кривоколѣнный, 14, 14.* Предполагается опубликовать полученные итоги.

2

